

СЕДАНКА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Всем известно как жили коряки до, как принято нынче говорить, октябрьского переворота. На всей территории Корякии было много родово-семейных общин, которые кочевали со своими оленьими табунами по родным пастбищам, имели свои родовые земли. Жили очень дружно, помогали друг другу в чем могли, богатые не кичились, оказывали помощь и бедным семьям. Это была незыблемая традиция.

Кочующие корякские семьи были тесно связаны с оседлым населением, делились с ним тем, что имели. Оседлые наведывались в табуны, привозили пастухам лахтачи ремни, продукты питания, все, что имели. А взамен брали теплую одежду: куртки, торбаса, чижки, кукули, малахай и забивали на еду своих оленей. Такова была традиция, сложившаяся на протяжении веков.

Ежегодно в феврале-марте большинство родовых общин подходили к окрестностям Круглой сопки, которая находится от Тигиля километров в тридцати. Вокруг нее богатые кормом пастбища.

Там проходили традиционные праздники. Как правило организовывались гонки на оленьих упряжках, оленеводы мерялись силой, показывали свою удаль. По вечерам до самой поздней ночи проходили традиционные национальные игры.

Пришел в советские времена 1932 год. Именно тогда родовые стойбища стали объединяться. Были созданы товарищества в Седанке, Оседлой, Утколоке, в Кульках. В 1938

году три больших товарищества объединились в одно — в районе реки Напана. Его назвали именем С. М. Кирова.

Осенью того года над жителями нависла грозная опасность. Грянули сталинские репрессии, начались беспричинные многочисленные аресты ни в чем неповинных людей.

За одну осень арестовали почти всех бывших зажиточных хозяев. Для тигильской земли это был большой удар, поскольку не стало около 70 крепких, хорошо знающих свое дело оленеводов, зато появились вдовы, поскольку почти никто не вернулся, осиротели дети.

В табунах стали большие потери поголовья оленей, падеж животных. Численность оленепоголовья резко сократилась.

В начале сороковых годов началась поголовная коллективизация, в том числе и частных оленей. На месте бывшего товарищества был создан колхоз имени Кирова. Председателем артели избрали Александра Федоровича Соболева. Он же, собственно, и организовал строительство нынешней Седанки. В ту пору в колхозе было семь оленеводческих бригад.

Правление колхоза закрепило за бригадами самых опытных оленеводов, так сказать, гвардейцев бывших десятилетий, которых не коснулась сталинская чистка.

А. Ф. Соболев был человеком незаурядного ума, умел подойти к каждому человеку — молодому или старому, убеждал, уговаривал, а где и приказывал. Надо сказать, что все мы его очень любили и уважали.

Оленеводство при нем не захирело, продолжало развиваться. Но появились и новые отрасли хозяйства: началось интенсивное строительство, закупили коров, появились зачатки растениеводства, развелась рыбодобыча, стал развиваться и промысел «мягкого золота».

В общем, дел стало невпроворот, а вот людей не хватало. Репрессии сильно подкосили силы местного коренного населения.

Видя это, Соболев обратился в Воямполку, в колхоз «Восход», за помощью, попросил выделить людей. Воямпольцы откликнулись на эту просьбу и Седанка пополнилась новыми семьями. Многие из них так и остались в ней навсегда. Живут здесь внуки Авнуена Нотаймовича, Кочигина Котевица, Кецай Авлиловича и многих других.

Ощущалась острая нехватка знатоков своего дела: плотников, столяров, растениеводов и животноводов, не было мастера кузнечного производства. И опять Соболев начал поиски выхода из положения. Обратился за помощью в райком ВКП(б), секретарем которого в ту пору были сначала Фаустов, а потом Шепоренко, в райисполком (председателями были сначала Добросмыслов, позднее Македонский). Надо сказать, что эти люди проявили живой интерес к его начинаниям, помогли в комплектовании строительного участка. В числе первых строителей были местные жители, среди них могу назвать Т. Вынка, Ч. Никач, Вувена Икавав, Кавина Т.

Для начала построили магазин, потом пекарню, школу,

больницу, а потом и дома для седанкинцев. Были они поначалу маленькие, но все же лучше, чем юрта или землянка. Стала у людей над головами надежная крыша.

Среди первых строителей нашего национального села добрым словом до сих пор помнят Александра Васильевича Качкуркина, а его дело и по сей день продолжают его сыновья Геннадий и Сергей.

Работал в райисполкоме заведующим райсельхозотделом Яков Маркович Хлебопрос. Соболев попросил его, чтобы он направил в оленеводческие звенья специалистов, поскольку эта отрасль хозяйства была и остается в Тигильском районе одной из основных. Появились тогда у нас и зоотехники, и ветврачи, которые почти сразу выехали в оленеводческие бригады. Они-то на местах и разъяснили пас-

зывал всех бригадиров на совещание, где проводился тщательный анализ наших достижений и упущений. Все это давало большой положительный эффект.

В послевоенные годы по инициативе первого председателя окрисполкома Макара Михайловича Обухова в Палане была создана школа по подготовке собственных кадров по ведению сельского хозяйства. Эту школу, а позднее училище, закончил и я вместе с Энэн Лелковичем. После окончания учебы директор училища Е. Головин настаивал, чтобы я поехал учиться дальше в Салехард в Ямало-Ненецкий национальный округ. К сожалению, сделать этого мне не удалось, пришлось довольствоваться дипломом оленетехника.

После этого я проработал в оленеводстве много лет. Мо-

гутам, как вести учет оленепоголовья, как делать противоводные обработки животных, как выполнять ежеквартальную инвентаризацию.

Давайте вспомним добрым словом наших первых специалистов: Михаил Мурачев, Зотов, Сергиенко (последнего забрали на фронт, где он и погиб, а был он прекрасный специалист, душевный и отзывчивый человек). Попадали они в оленеводческие звенья с помощью полубытового ныне транспортного средства — оленьих упряжек, а летом выезжали в тундру на лошадях. Особенно любил ездить на оленях Яков Маркович, один из табуна придет на нарте в село, оленей сдаст в правление, а потом их перегоняют в табун. Транспорт практически бесплатный, ни тебе горючего, ни запчастей, не было в ту пору гремющих и рычащих вертолетов и вездеходов, пугающих оленшек.

ЕЩЕ СТРАНИЦА...

Бригада, в которой я работал на летовке, перегоняла свой табун через Алней ближе к Усть-Камчатскому району. Бригадиром в ту пору был опытный оленевод, мой двоюродный брат Айай Ванич (Иванов). К стати сказать, он тоже был арестован, но через пару лет вернулся из лагерей, каким-то образом ему удалось уцелеть. Когда освоился, ему надеяться было не на кого. И он пошел из областного центра через Елизово, Усть-Большерецк, Соболевский район, в общем по западному побережью Камчатки, к родной Седанке. Добрался один до Сопочной, тогда стало легче, с ним пошли еще несколько человек. Быстро летит время, стираются из памяти имена, но не грех вспомнить тех, чьи имена еще на слуху. Были с ним Кававин Тейкепович, братья Акки и Этто Икавав, Нотайме, Г. Текьет, Пойтеле Векичевич. Но это к слову.

Так вот в ту пору на отел к нам прибыл Яков Маркович Хлебопрос. Я был пастухом-учетчиком. В бригаде было организовано круглосуточное дежурство. По совету специалиста дневной пастух, он же и бригадир, ведет учет сколько за день появилось каюю, строго подсчитывалось количество самочек и самцов.

Так было по всем оленеводческим бригадам, у таких полубытовых ныне мастеров оленепоголовья, как Иттек Лелкович, Кияв Мимакович, Айя Акеевич и других.

Тщательный подсчет оленей проводили поквартально, а в конце года приезжала специальная комиссия и делала ревизию по всем звеньям. Если выявлялась недостача, сразу же организовывались розыски отколов.

После отела председатель колхоза А. Ф. Соболев вы-

гу сказать еще о том, что в колхозные времена мы получали зарплату деньгами, а еще нам обязательно выделяли в конце года так называемую «натуру»: рыбу, юколу, нерпичий жир, картофель и другие продукты. В общем, жить было можно.

ЗАСТОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

В 1968 году был создан совхоз «Тигильский». Руководителями пастушеских коллективов назначены наиболее опытные труженики оленей тундры. Многие уже нет ныне в живых, другие находят-ся на заслуженном отдыхе.

Тогда олени стали государственной собственностью. Первым директором совхоза был Сергей Александрович Веселовский. В ту пору он часто наведывался в оленеводство, причем надо отметить, что никогда ни куска мяса не брал с собой для личных нужд.

К сожалению, в совхозный период на отеле ежедневный просчет приплода уже не проводился, делалось это только в конце отелочной кампании. Это привело к ухудшению показателей.

В 1971 году я был депутатом райсовета, членом РК КПСС. Это обязывало ко многому. Ежегодно по многу раз пересчитывал свой табун. Если обнаруживал потери, сам проводил розыск и всегда находил отколов.

Настоящему оленеводу достаточно глянуть на табун, чтобы определить его численность, плюс-минус десяток голов. Так вот, по документам численность табуна у отдельных звеньев была значительно выше, чем их было в действительности. Я вынужден был сказать об этом главному зоотехнику хозяйства Павлу Баттищеву. Он посоветовал не поднимать шума, а принял свои меры: написал письмо в областную прокуратуру, в котором информировал, что численность оленепоголовья в совхозе «Тигильский» на 3000 голов меньше, чем это значится по документам. Примерно через месяц в Тигиль прибыла специальная комиссия, которая начала разбираться со сложившимся положением дел.

Ко мне с проверкой прибыл начальник отдела окружного сельхозуправления О. П. Марченко. Просчет показал недостачу 60 оленей, в других табунах эта цифра колебалась от 400 до 500 голов. А всего по совхозу «мертвых душ» насчитали 5000! Это почти два полных стада! Пастухам пришлось рассчитываться с государством почти год, директор совхоза В. Зелюков был освобожден от занимаемой должности. Но зато оковителю на длительное время был поставлен прочный заслон.

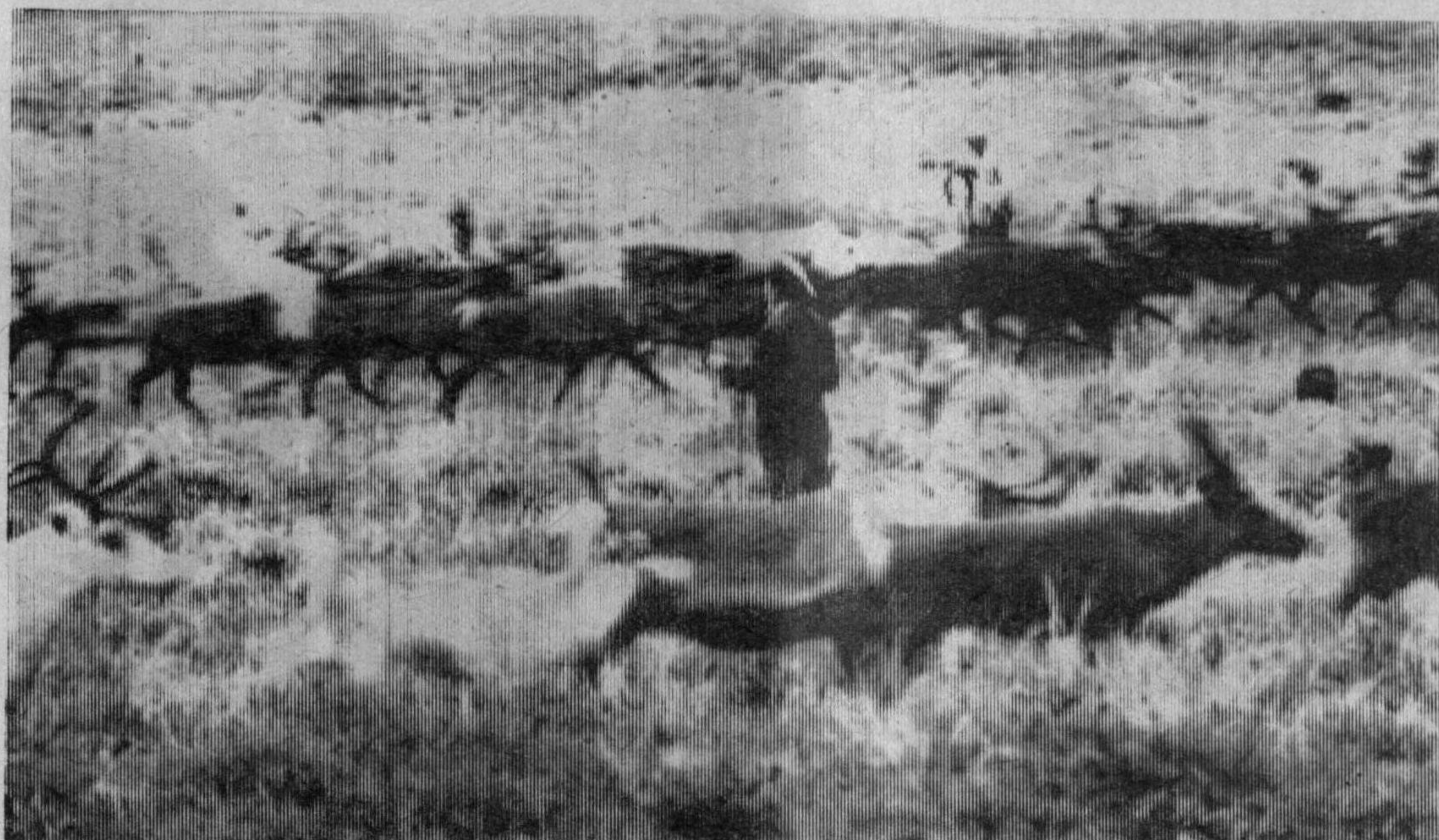
(Продолжение следует).

Э. ТЕЙКЕПОВ,

ветеран труда.

ПАСТУШЕСКИЕ БУДНИ

СЕДАНКА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

(Окончание. Начало в № 74)

Застойные времена

В прежние годы авторитарного партийного режима недостатков в кадрах, в общем-то, не было. В райкоме партии составлялись номенклатуры на замещение руководителей, а если подходящей кандидатуры под рукой не оказывалось, можно было обратиться в окружном, или даже обком КПСС. Видно, так и пришлось сделать при замене Зелюкова. Директором совхоза стал специалист из Олуторского района, из далеких Пахачей Зефилов. Но в новой должности он пробыл совсем недолго, около полутора лет и заметной памяти о себе не оставил.

Зато следующий директор — В. Ф. Неустроев был руководителем хозяйства все семидесяти годы, в самые что ни на есть, как говорится сейчас, застойные времена. Освободили его от занимаемой должности только в 1979 году решением бюро райкома партии. На мой взгляд, это решение было несправедливым. Совхоз при Неустроеве достаточно крепко стоял на ногах, так что ни о каком «развале оленеводства», как говорилось в постановлении бюро РК КПСС, речи идти не могло. Может быть, просто Неустроев кого-то не устроил, вот и свели счеты.

В таком школьном предмете как история есть свои законы развития тех или иных событий. Например, следует различать причину и повод. В этом случае поводом для отставки директора послужила гибель людей на вездеходе. Но тогда вины Неустроева не было ни грамма, поскольку распоряжение об отправке вездехода дал другой руководитель. Неустроеву для острастки хватило бы и строгого выговора, поскольку руководитель за все отвечает. В общем, в ту пору райком не разобрался, или вернее, не захотел, как следует разобраться. Но это к слову, которое, кстати, все же из песни не выкинешь.

В семидесяти годы дела в оленеводстве нашего совхоза, как я уже говорил, шли достаточно успешно. Ежегодно проводился просчет оленепоголовья по всем звеньям. Весенняя корализация, отбивка маточного поголовья — все это и многое другое было железным законом в работе пастушеских коллективов. Тщательная выбраковка позволяла со-

здавать достаточно крепкие и выносливые нагульные стада.

Молодняк берегли как зеницу ока. Ведь это основа для воспроизводства табунов. После выбраковки в табунах практически не оставалось яловых или переболевших оленей, поэтому показатели по сохранности всегда были высокие.

При Неустроеве специалисты хозяйства в селах без дела не сидели, а постоянно выезжали на помощь пастухам и в период отела, и на летовку, и на осеннюю корализацию, навещали звенья и зимой. Словом, они вплотную занимались основной работой, потому что были в этом кровно заинтересованы. Сегодня же, каждый обзавелся личным хозяйством, а основная работа, как видно, отошла на второй план.

Да и сам Виктор Федорович часто наезжал к нам, старался вникнуть даже в мелочи, давал советы. При отъезде, как и А. Ф. Соболев, не брал с собой (Боже упаси!) ни куска оленины, сколько б мы его ни уговаривали. В ту пору отличались такими специалистами, как В. Салтыков, А. Шишкин, П. Батищев, Шамхалов.

Как ни охивают сейчас авторитарный партийный режим, но надо признать, что в ту пору большую поддержку труженикам оленного дела оказывали и первый секретарь РК КПСС М. С. Орешкин, и председатель райисполкома Н. М. Пешков. Все наиболее важные мероприятия в оленеводстве проводились под их непосредственным руководством. Потому и возникавшие проблемы решались незамедлительно.

Было доброй традицией проведение ежегодных оленеводческих совещаний. В Тигиль съезжались звеньевые и пастухи из Паланского и Воямпольского отделений совхоза «Паланский», из Седанкинского и Хайризовского отделений совхоза «Тигильский». Подводили итоги года, при выступлениях говорили честно обо всех недостатках, потому что скрыть личные промахи было невозможно — вся наша работа была на виду, хотя казалось бы, что тундра все спешет. Говорили и о том, в чем нуждались: в снаряжении, одежде, обуви, продуктах питания, верили и знали, что наши замечания будут учтены. Уже тогда нам говорили, чтобы мы не особенно надеялись на вертолеты, а больше полагались на свои силы и внутренние резервы. Потому мы много сил уделяли развитию транспортного оленеводства, подготавливали

ездовых оленей. Можно смело сказать, что застойные годы — это не про нас придумано.

На подступах к перестройке

Начались восьмидесятые годы. На «укрепление» совхоза «Тигильский» из Таловки взяли нового директора — Б. А. Моргунова. С его приходом обстановка в звеньях стала резко меняться. Например, прекратилась отбивка маточного поголовья в табунах, не стали организовывать и создавать нагульные стада, махнули рукой и на выбраковку. Табуны на треть составляли олени яловые, переболевшие, слабые, малопродуктивные для воспроизводства.

Стало нарушаться и святое правило: не трогать молодняк. Наоборот, через забойные камеры начали пропускать по 500—700 телат. Зато возростала численность старых важенков, неспособных дать приплод.

Стала ослабевать трудовая дисциплина, ухудшилось окарауливание табунов, во всех звеньях непроизводительные потери составляли от 200 до 500 голов оленей! Виновных к ответственности никто не привлекал, как это делалось раньше, отколы не разыскивались, все списывалось за счет государства. Естественно, что кривая показателей поползла вниз. Специалисты стали в тундре гостями, причем, очень редкими. Появлялись они лишь в период осенней корализации. Впрочем, нет, бывали они у нас и зимой, в том числе и директор Моргунов. Но цель этих наездов была иная — заставить мясом для себя, а то и для друзей. Приходилось каждому специалисту забивать по оленю, причем, отбирались не какие-нибудь, а самые упитанные. Это могут подтвердить многие оленеводы, потому что подобная практика была в течение нескольких лет.

Ослабло и партийное руководство одной из самых важных отраслей бывшего народного хозяйства района — оленеводством. Первого секретаря РК КПСС А. Л. Зайцева пастухи даже в лицо не знали, изредка в звенья доходили слухи и сплетни о тигильских «дворцовых» интригах.

Грянула перестройка, кото-

рая быстро взломала и развалила все устои, на которых держалась Российская империя что при царе-батюшке, что при КПСС-матушке. Антиалкогольная кампания, приватизация, либерализация и прочее сделали свое дело.

День наш сегодняшний

Прямо надо сказать, что он не из легких. Переходный период от не построенного социализма к отечественному капитализму по прикидкам ученых должен затянуться на 130 лет. Так что мы оказались в самом начале нового пути. Многие ветераны оленного дела не выдержали психологической нагрузки и ушли на заслуженный отдых, да и годы взяли свое. Дисциплина в пастушеских коллективах стала абстрактным понятием. Об этом го-

ворят многочисленные примеры. Вот один из них.

В октябре 1993 года из 2, 3 и 4 звеньев пастухи отобрали на забой оленей, собрали их в одно стадо и погнали к районному центру. Но перегнать животных через реку Тигиль не смогли.

В начале ноября погода резко ухудшилась. Подули «Курилы», начались затяжные дожди с мокрым снегом, создалась обстановка безысходности. Помощи было ждать неоткуда. Пастухи погнали оленей обратно к Седанке. Оленеводы вымкли до нитки, насквозь мокрые палатки не давали возможности хотя бы обогреться. А тут еще грянул сильный мороз, одежда встала колом.

Плюнули пастухи на все и вся, оставили оленей возле Напаны, а сами ушли в Седанку погреться и обсушиться. Так продолжалось около недели, пока заинтересованные лица не забили тревогу.

Начался сильный снегопад, потом оттепель, потом грянул мороз. По гололеду оленкам стало совсем худо. Ягеля мало, до корма совсем не добраться, наступил настоящий голод, который, как известно, не тетка. Начался массовый падеж оленей.

Оленетехник В. Косыгин на «Буране» стал подбирать по

Фото А. КЛЮЧНИКОВА.

Э. Тейкепов

тундре дохлых животных и развозить их пенсионерам прямо по домам.

Из 1100 животных в конце концов к забойному пункту Тигиля удалось подогнать не больше половины.

Возле табуна постоянно крутились коммерсанты, для которых за водку были забиты самые крупные олени. О конечных результатах всего этого и говорить тошно.

Сейчас учет и отчетность в звеньях находится в самом запущенном состоянии. В табунах звена № 5, которым руководит Леонид Етекьев, годовой просчет не проводили вообще. В феврале 1994 года по документам этот табун должен был насчитывать по крайней мере 1900 голов, фактически их оказалось на 200 меньше.

В начале года я побывал проездом в звене № 1, где обстановка тоже явно ненормальная. По мнению оленетехника Владимира Косыгина здесь потери еще больше — около 600 голов. И что интересно: отколы бродят неподалеку, но никто ими не интересуется, как будто они совсем не нужны никому (кроме браконьеров и воров).

Звено № 3 всю минувшую зиму крутилось возле Тигиля вместе с табуном. Пьянка была круглосуточной и беспорядочной. В конце концов встал вопрос об отстранении от работы звеньевых Николая Икава, расформировании самого звена и создании укрупненного оленеводческого коллектива на базе звена № 4, которым руководит Анатолий Айевич Акеев. Если такое решение можно будет реализовать, то появится огромная территория выпаса оленей от Усть-Тигиля до реки Ковран.

О приведенных фактах хорошо известно и директору хозяйства П. И. Краповицкому, и прокурору района И. Н. Захарову, и начальнику райотдела милиции В. А. Петренко. Но... мер никаких не принимается для того, чтобы хоть как-то поправить положение.

Мы — ветераны труда, предлагаем создать в Седанке совет старейшин, наделить его соответствующими полномочиями и правами, чтобы в кратчайший срок восстановить дисциплину и порядок. Оленеводство необходимо спасать. Давайте это пока мы живы!